

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ НИКОЛАЯ СТРАХОВА

Н.В. Снетова

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
E-mail: snetova@mail.ru

В статье впервые сделана реконструкция концепции истинны русского философа 2-ой половины XIX в. Николая Страхова. Показаны онтологические и эпистемологические основания его концепции истины. Отмечается, что целью естествознания, по Страхову, является получение истинного знания о сущности вещей и установление истинных, объективных, закономерных связей в природе. Сделан вывод, что концепт научной истины Н. Страхова вписывается в классическую просвещенческую традицию, несомненно, рационалистического характера.

Ключевые слова: Николай Страхов, естествознание, русская философия, научное познание, истина, эмпиризм, объективность.

Проблема истины является одной из фундаментальных в мировоззрении человечества. Связывая философию с практикой жизни, решение вопроса об истине имеет прямой выход к ответам на запросы социальной практики.

В античности закладывается традиция понимания истины в связи с трактовкой человека как разумной части макрокосмоса. Сущностное определение истины было дано еще Платоном: «Тот, кто говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину, тот же, кто говорит о них иначе, — лжет» [1, с. 615]. Начиная с XVII века, развитие научного знания стимулировало интерес к проблеме истины. Разрабатывавшиеся в философии Две методологические парадигмы философии – эмпиристская и рационалистическая – были направлены на получение достоверного, истинного знания о природе, обществе и человеке. Существенный вклад в гносеологию внесли представители классической немецкой философии. Наибольшее влияние на понимание истинности знания, его ценности оказал Гегель, предложивший диалектический подход к ее трактовке. Он писал: «Истина есть великое слово и еще более великое дело. Если дух и душа человека еще здоровы, то у него при звуках этого слова должна выше вздыматься грудь». [2, с. 108].

Девятнадцатый век был связан с бурным развитием естественных наук, что означало быструю и *ускоряющуюся смену концепций*, гипотез и представлений, которые ранее казались незыблемыми. Ответом на гегелевскую натурфилософскую концепцию соотношения философии и конкретных наук, но главное – на достижения эмпирического естествознания, было возникновение и распространение позитивизма и его феноменологических установок. Начиная с В. Дильтея, актуализируются исследования специфики исторического познания, а в отечественной философии в последней трети XIX в. острым становится к тому же вопрос о соотношении научной и религиозной истины.

Все актуальные проблемы, связанные с проблемой истинности человеческого знания, находим и в философии Н.Н. Страхова (1828-1896), петербургского мыслителя второй половины XIX в. Историки философии, обращаясь к его теоретическому наследию, затрудняются с оценкой его философских взглядов. Это связано с тем, что они не рассматривают его как представителя русского органицизма [См.: 3]. К настоящему времени Страхов исследован, прежде всего, как сторонник русского консерватизма и религиозный мыслитель. Но в его творчестве несомненный интерес представляет разработка философии науки. Им затронуты многие проблемы, остающиеся актуальными и в настоящее время, в частности, он обращается к проблеме истины в научном познании. Реконструкция концепции истины Н.Страхова в историко-философской литературе осуществляется нами *впервые*.

Конкретные аспекты проблем истинности знания и походы к ее решению, с одной стороны, обусловлены особенностями биографии философа, получившего семейное религиозное воспитание. Он имел к тому же естественнонаучное, биологическое образование. Эти факты его биографии важны для понимания того, к каким аспектам проблемы истинности знания он обращается. Начав обучение в Петербургском университете, мыслитель вспоминал, что «в знаменитом университетском коридоре доводилось слышать то рассуждение о том, что вера в Бога есть непростительная умственная слабость, то похвалы системе Фурье. <...> А мелкая критика религиозных понятий и существующего порядка была ежедневным явлением». [4, с. 431]. Будущий философ увидел, что за этим стоит авторитет естественных наук. Ему хотелось проверить, соответствует ли этот авторитет их реальным достижениям и возможностям. По нашему мнению, именно вопрос о возможностях и границах «власти» естественнонаучных истин был решающим в гносеологических исследованиях Страхова. По его мнению, не религия и не

естествознание, а философия решает вопрос о границах и свойствах познания, она может указать точную меру их авторитета [5, с. 28].

С другой стороны, рассматривая страховские представления об истине, необходимо учитывать предпосылки его философствования. В предисловии к книге «Мир как целое» автор указывал, что наряду с естественными науками источником его взглядов является метода гегелевской философии [6, с. VI]. Имея в виду все философское творчество мыслителя, частично согласимся с данным утверждением, т.к. не во всем отечественный ученый следовал Гегелю, испытывая многочисленные мировоззренческие влияния. Так, в осмыслении вопроса об истине в его воззрениях можно заметить влияние, идей А.И. Герцена, Г. Лейбница, Л.Н. Толстого, Р. Декарта.

Основные аспекты *истинности научного* знания, рассмотренные Страховым, требуют анализа, так как, хотя его исследования познания, естественно, вращались вокруг проблемы истинности, в его творчестве нет специальной работы, на эту тему. Попробуем реконструировать его концепцию истины.

Онтологическими основаниями научной познаваемости мира у отечественного философа выступает, во-первых, объективное существование мироздания. Во-вторых, он, как органицист, не только исходит из идеи единства мира и человека, но акцентирует антропоцентризм. Мир представляет собой иерархическую систему, на вершине которой – человек, царь природы, «центр и мера вселенной, со всем её прошедшим и будущим» [9, с. 50]. Гносеологическим фундаментом возможности получения объективной истины в процессе познания является взаимодействие человека с миром, в котором субъект может получить знание, адекватное предметам окружающего мира. Страхов фактически *понимает процесс познания как отражение мира*.

В познании истины человек опирается на такие познавательные способности, как чувства и разум. Философ убежден, что ум в процессе познания в явлении обнаруживает сущность, следовательно, сущность вещей познаваема. Способность человека как высшего существа, стоящего в отношении ко всему миру, достигать истинного знания носит универсальный характер. «Мышлению нет пределов, точно так, как нет пределов пространству» [См.: 7]. Процесс, получения истинного знания о мире бесконечен.

Как настоящий ученый он показывает нам, что наука – дело трудное, потому что она противоречит обыденному опыту, опровергает кажущиеся очевидными для обыденного опыта представления. Мыслитель второй половины XIX века настаивал на важнейшей роли детерминизма в познании природных явлений. В этом,

по его мнению, ценность и важная роль науки. К сожалению, в настоящее время такое понимание сущности и ценности научного познания утрачивается.

Заслугой Н. Страхова является разработка проблем методологии научного познания, без которой, согласно ему, процесс достижения истины у натуралистов будет случайным и чреватым многими заблуждениями. Отметим два важных аспекта, которые он акцентирует, поскольку они отражали трудности, с которыми сталкивалось естествознание того времени. Эти идеи звучат актуально и в наше время. Во-первых, он сосредотачивается на проблеме соотношения эмпирического и умозрительного, теоретического уровня научных исследований. Во-вторых, в ряде работ он настойчиво проводил и обосновывал идею о необходимости единства естествознания и философии [См.: 6, 7, 8, 9, 10]. Страхов верно отмечает существенный недостаток тогдашнего естествознания – господство эмпиризма. В данном случае, думается, не обошлось без влияния идей А.И. Герцена, изложенных в его «Письмах об изучении природы». Герцен писал: «Опыт и умозрение, – две необходимые, истинные, действительные степени одного и того же знания; спекуляция больше ничего, как высшая развитая эмпирия; взятые в противоположности, исключительно и отвлеченно, они так же не приведут к делу, как анализ без синтеза или синтез без анализа. Правильно развиваясь, эмпирия непременно должна перейти в спекуляцию, и, только то умозрение не будет пустым идеализмом, которое основано на опыте. Опыт есть хронологически первое в деле знания, но он имеет свои пределы, далее которых оно или сбивается с дороги, или переходит в умозрение» [11, с. 225-226].

В начале 40-х гг., когда создавались эти «Письма...», естествознания было односторонне ориентировано на эмпирический сбор фактов, но с 60-х гг. проблема соотношения двух уровней научного познания в движении к истине приобрела острый характер. Эмпиризм и принижение философии в постижении природных явлений получил методологическую поддержку в позитивизме, который в 60-е годы становится популярным в России. Поэтому отстаивание Страховым принципа единства эмпирии и умозрения, важности мировоззренческой, методологической роли философии в получении истинного знания имело важное значение. Читаем в его «Мир как целое»: «Природа есть предмет исследования человека, но она вместе и лучший руководитель его умозрений. Убеждение, что смысл ее явлений однороден с сущностью человеческой мысли, есть лучшее предохранение от множества заблуждений. Одни слишком увлекаются умозрениями и не хотят видеть даже того, что прямо бросается в глаза; другие боятся умозрений,

как будто умозрения имеют силу сорвать их с земного шара и унести куда-нибудь за облака. А между тем, истина одна и не боится ни фактов, ни умозрений». [6, с. 37].

Важно, что ищет наука в природе. Подхватывая идеи Герцена, Страхов отмечал, что главная цель наук «вовсе не приближение к вещественному миру, а наоборот, возведение вещественного мира в мир умственный» [12, с. 303]. Мыслитель настаивает, что нельзя смотреть на науки, как на скопление фактов, как часто смотрят натуралисты, придавая отдельной черте, «малой подробности важную цену» и думая, что из фактов само собой выстроится здание науки [8, с. 109]. В результате мы получим груды отдельных материалов. Цель науки — получить истинное представление об объективных, закономерных связях между отдельными явлениями действительности [См.: 12, с. 316].

При этом в страховских работах обращает на себя внимание трактовка научного факта, звучащая совершенно современно. «Чтобы убедиться в неправильном значении, которое часто придают голым фактам, — пишет Страхов, — нужно принять в соображение следующее:

Во-первых, отдельный факт сам по себе не имеет никакой важности.

Во-вторых, нет такого факта, который не мог бы быть подведен под общие начала, который, так или иначе, не мог бы быть рассматриваем в системе» [8, с. 110]. В результате, все факты имеют свой определенный смысл, от которого и зависит все их значение; держаться за голый факт, значит, впадать в «бессмыслицу». Обратим внимание, что во взглядах русского мыслителя имеется несомненное влияние рационалистических установок классической эпистемологии: в науке главное — мысль, а не факт.

Критикуя эмпиризм, исследователь фактически *вскрывает одну из гносеологических предпосылок скептицизма* естествоиспытателей. Уверенность натуралистов в том, что их науки опытным путем могут решить все вопросы, в том числе и те, что составляют предмет философии, — отмечает он, — сменяется отчаянием, которое ведет к скептицизму. Среди представителей опытного естествознания Страхов выделяет и тех, кто считает мировоззренческие вопросы о сущности изучаемых предметов чем-то бесполезным, слишком отвлеченным и пустым. Подобный негативизм по отношению к философии среди естествоиспытателей распространен и ныне.

В предисловии к переводу книги И. Тэна «Об уме и познании» (1871 г.) вскрываются сущностные черты эмпиризма. Первая черта — он содержит внутренний парадокс, разрушает себя изнутри как концептуальную конструкцию. Философ

формулирует парадокс эмпиризма. Адепты данного направления создают *теорию познания*, в которой утверждается, что истина дается нам только опытом. Но опыт не может дать ничего абсолютного. Эмпиризм же «если хочет быть последовательным, не должен вводить себя в теорию». «Опыт, который ничего не знает о сущности вещей, – пишет методолог, – не может ничего знать и о сущности нашего познания, следовательно, не может разрешать и вопросов о том, что возможно для познания и что невозможно. Предписание, что должно держаться одного опыта, может быть выведено лишь из некоторой теории, исследующей природу познания и показывающей, что все другие теории ложны, кроме этого. Итак, эмпиризм, чуждающийся всякой теории, противоречил бы сам себе, если бы давал такое предписание, если бы делал точкою своей опоры и отправления некоторую теорию» [13, с. III]. Эмпирик, желающий быть эмпириком, должен утверждать, что он не знает, какие вообще есть возможные способы познания, но хорошо знает только один способ познания – опыт.

Вторая черта – эмпиризм безотчетен, не рефлексивен по отношению к себе. Гносеология не составляет для эмпирика никакого предмета исследования. «Он не задаёт себе вопросов: что такое истина, возможно ли ее достигнуть? заключается ли источник познания в нашем уме или во внешних вещах? возможны ли познания a priori? и т.д.» [13, с. IV]. Как бы они ни решались, для эмпирика ничего не изменится, поэтому он их и не решает. «Все те познания, которых он ищет, имеют одинаковую достоверность, одинаковое достоинство, одинаковый источник; ему не с чем их сравнивать и нечему их противопоставлять» [13, с. IV]. Но, несмотря на то, что эмпиризм не задается общими гносеологическими вопросами, ему необходимо понять свой собственный метод, чтобы следовать одному опыту и понимать, что не имеет к нему отношения.

Третья черта — эмпиризм неизбежно сталкивается с трудностью уяснения своего метода. Отличая «опыт от того, что не есть опыт» ему необходимо устранить из познания «всякое умозрение, всякую примесь рационального понимания вещей», что очень трудно. Страхов верно указывает, что человеческий ум «неудержимо вносит во всякое познание свои рациональные положения и формы». По нашему мнению, страховская критика эмпиризма отличается глубиной и сохраняет свою актуальность.

Одна из методологических целей Страхова – показать, что эмпиризм сам по себе имеет границы, что есть вопросы, которые он не может решить в принципе, именно как эмпиризм. В своей философии науки методолог стремился обосновать

вать единство эмпирического и умозрительного методов, но при этом предпочтение отдает умозрению. На наш взгляд, концепт научной истины, который можно реконструировать на основе изучения его работ, вписывается в классическую просвещенческую традицию, носившую, несомненно, рационалистический характер. Так же, как и Герцен, он считал, в частности, что критерий истинности знания находится в разуме.

Страхов акцентирует способность человеческого разума достигать знания, имеющие характер всеобщности. Акцент не случаен, он понимает, что эта способность обеспечивает для философии возможность быть научным знанием, давать истину. Здесь сказывается влияние Гегеля. Русский ученый был убежден, что философия есть наука, и не просто наука, а высшая наука. Мы видим, что соотношение этой науки с конкретными науками рассматривалось им с натурфилософских позиций. В настоящее время среди отечественных философов господствует мнение, что философское знание по своей природе ненаучно, – зачастую повторяется аргументация Канта.

Страхов настойчиво проводит идею о невозможности конкретно-научного познания без определенных философских, теоретико-методологических предпосылок. Именно философия, в частности, по его мнению, задает науке цель познания, разрабатывает методологию познания и категориальный аппарат, которым пользуются натуралисты. Среди эпистемологических оснований, к которым мыслитель призывает обращаться всех, кто не хочет делать в процессе познания ошибки, можно выделить принцип познаваемости мира, взаимосвязи относительной и абсолютной истины, заблуждения и истины, признание субъективной природы форм познания и объективности содержания знания. Примечательно, что ученый, хорошо зная проблемы физиологии органов чувств и психологию, в работе «Об основных понятиях физиологии и психологии» демонстрирует понимание сложности процесса получения объективного знания. Он анализирует сложнейшую проблему отношения субъективной формы и объективного содержания процесса познания, подчеркивая сложность перехода от субъективного к объективному.

Страхов, высочайшим образом ценя истину, вскрывает причины ошибок и заблуждений, проделывая на новом уровне работу, которую начали осуществлять в свое время Ф. Бэкон и Т. Гоббс. Кроме абсолютизации того или иного метода научного исследования, отказа от философского, мировоззренческого осмысления полученных конкретной наукой фактов, мыслитель называет *психологические причины* заблуждений и затруднений в движении к истине. Одна из причин

того, что новые истины с трудом воспринимаются и научным сообществом, и обществом, состоит в том, что мы свои прежние убеждения всегда предпочитаем, всегда считаем их лучше, выше, совершеннее, ближе к истине [6, с. 99-100]. Находится и психологическое основание таких предпочтений: для организма есть некоторая необходимость чувствовать себя так, «как будто он упирается на нечто, не имеющее никакого движения».

Много занимавшийся пропагандой новых открытий в начальный период своего творчества, ученый выступил против популяризации науки. Почему? Одна из причин – искажения научных истин. «Если сами ученые, постоянно работающие для своей науки, редко понимают ее истинный дух, ее глубокие основы, то в массе читателей научные сведения почти неизбежно подвергаются искажению, превращаются в уродливости знания. Популярная книга, *удовлетворяющая* читателя, есть пустая, и даже вредная книга: она его обманула, дала ему ложное насыщение, ложное удовлетворение. Из этих книг хороши не те, которые *обогащают* читателя познаниями, а те, из которых он вынес бы убеждение, что он совершенный невежда в известном отношении, что предмет книги глубок и труден не только для него, но и для автора» [6, с. III]. Мысль звучит весьма актуально для нашего времени. Мы сталкиваемся с расцветом популяризации ненаучного, псевдонаучного знания. Кажущаяся легкость научных открытий и самого научного исследования породили множество псевдоученых. Интернет заполнен подобной информацией, претендующей на абсолютную истинность. Появился термин «девиантная наука». Возникли псевдоархеология, псевдоматематика, псевдофилософия.

Необходимо отметить, что Страхов, столь высоко ценя истину, отчетливо осознавал, что быстрота развития естествознания, когда одна концепция, одно открытие сменяет другое, кардинально меняя представления о мире, ведет к релятивизации объективной истины и, следовательно, к скептицизму. Он был свидетелем увлечения спиритизмом, среди апологетов которого были и крупные ученые, например, А.М. Бутлеров. Философ опубликовал ряд статей с критикой спиритизма, которые он объединил в книге «О вечных истинах. Мой спор о спиритизме». Он убедительно показал, что спиритизм – это «эмпиризм в чистом виде». Адепты спиритизма ссылались на существующие «факты» спиритических явлений, которые, с их точки зрения, наука не может не учитывать и должна как факты признать.

Констатируя тенденцию когнитивного релятивизма и агностицизма, он делает акцент на истине абсолютной. Философ демонстрирует понимание, что отрицание момента абсолютности в истине означает отрицание истинности вообще, т.е. возможности объективного знания. В книге «Вечные истины» (1887г.) он пишет: «Однако, если мы ... будем считать неверными и шаткими все положения действительно-существующих наук, то прямой вывод из этого – полный скептицизм, совершенное неведение. Такая мысль есть отрицание научного духа, есть противоречие самой идее, созидающей науку. Наука предполагает возможность познания; истины, ею добытые, могут быть дополнены, расширены, обобщены, но не выкинуты за борт, как негодные. В этом состоит тот твердый и торжественный ход, которым идет ныне естествознание, а не в том, что оно будто бы ни единой истины не считает непреложною» [5, с. 50]. В ответ на утверждение, что признание непреложных истин мешает «свободному движению науки», ее прогрессу, ограничивает свободу ученых, Страхов, предлагает, фактически, диалектику абсолютной и относительной истины: «Настоящий прогресс возможен конечно только тогда, когда мы в старом умеем видеть то, что в нем верно, и в новом то, что в нем ложно» [5, с. 52].

Страхов не дожил одного года до открытия электрона, что во многом привело, к кризису в философии и революции в физике. Он мог бы наблюдать, как реализовались его опасения по поводу отказа от понятия абсолютной истины. Вторую мощную атаку на объективную истину в научном познании осуществили представители постпозитивизма. «Обостренное внимание историков и философов науки к научным революциям, меняющим сами критерии рационального знания ... привело к установлению плюрализма исторически сменяющих друг друга форм рациональности. Вместо одного разума возникло много типов рациональности. В результате была поставлена под вопрос всеобщность и необходимость научного знания. Скептицизм и релятивизм, столь характерные для историцизма в философии, распространились теперь и на естествознание». [14, с. 8-9]. Так же, как адепты спиритизма, постпозитивисты обвинили науку в ограничении свободы познающего субъекта. По П. Фейерабенду, наука, как она реально существует, пропитана духом авторитаризма и догматизма.

В этой логике движения идей в постмодернизме, в дефляционной концепции истины мы наблюдаем третью атаку на объективность, где кардинально меняется понимание когнитивного процесса, исчезают понятия истины, отражающей мир, объективности. Отметим только одну общую, черту, которая роднит рассмотренные трактовки научного познания. В различных дефляционных концепциях

утверждается, что понятие истины является излишним [См., например: 17]. Постмодернисты отрицают всякую тотальность и, соответственно, акцентируют в когнитивном процессе только свободу творчества, плюрализм интерпретаций и типов дискурсов. С точки зрения М. Фуко, истина не есть нечто, существующее вне власти и не обладающее властью. В постмодернизме отрицается универсальность истины, ибо ее признание лишает права на существование иные, альтернативные варианты интерпретации. В связи с приведенными оценками научной истины весьма актуально звучит, как ответ, утверждение Страхова: «Наука не ищет свободы... она, напротив, ищет строгости, неуклонности, последовательности. Тот – истинный ученый, кто вполне подчиняется научному методу и научным принципам. Наука связывает; она внутри, в самой себе, безусловно принудительна и обязательна, и только на этом основании ученые имеют право требовать свободы от всяких внешних стеснений [5, с. 49].

Таким образом, концепция истины Н.Н. Страхова, которую мы попытались реконструировать, выглядит весьма современно. Многие ее аспекты сохраняют свою актуальность в эпистемологии XXI в. Защита им ценности науки и истины может служить примером противостояния различным ненаучным интерпретациям процесса познания.

Список литературы

1. Платон. Собр. соч. 2-е изд.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 860 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
3. Снетова Н.В. Философия Н.Н. Страхова. (Опыт интеллектуальной биографии). Пермь: Перм. ун-т., 2010. 352 с.
4. Страхов Н.Н. Воспоминания о ходе философской литературы // Исторический вестник. 1897. Май. С. 423-434.
5. Страхов Н. Н. О вечных истинах. Мой спор о спиритизме. СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1887. 130 с.
6. Страхов Н.Н. Мир как целое. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1892, 2-е изд. 582 с.
7. Страхов Н.Н. Значение гегелевской философии в настоящее время // Светоч. 1860. №3. О. II. С. 3-51.
8. Страхов Н.Н. О методе естественных науки и значении их в общем образовании. СПб.: Тип. Эдуарда Праца. 1865. 186 с.
9. Страхов Н.Н. Философские очерки. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1895. 530 с.
10. Страхов Н.Н. Об основных понятиях физиологии и психологии. Киев: Изд. И.П. Матченко, 1904. 3-е изд. 298 с.
11. Герцен А.И. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 592 с.

12. *Страхов Н.Н.* Естественные науки как предмет общего образования // Отечественные записки. 1861, №2. с. 301-324.
13. *Страхов Н.Н.* О чисто эмпирическом методе // Тэн И. Об уме и познании. Т. 1. СПб.: А.С. Гиероглифов, 1872. 326 с.
14. *Гайденов П.П.* Введение. Проблема рациональности на исходе XX века // Рациональность на перепутье. В 2-х книгах. Кн. 2. Москва: РОССПЭН, 1999. с. 5-26.
15. *Field H.* The Deflationary Conception of Truth // Fact, Science and Morality. Oxford: Blackwell, 1986. pp. 55-117.

THE PROBLEM OF TRUTH IN THE EPISTEMOLOGICAL VIEWS OF NIKOLAI STRAKHOV

Nina V. Snetova

Perm State National Research University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The first the concept of true, developed by the Russian philosopher Nikolay Strakhov is reconstructed. The ontological and epistemological foundations of his concept of truth are shown. According to Strakhov, the goal of natural science is to obtain true knowledge about the essence of things and to establish true, objective, and natural connections in nature. It is concluded that the concept of the scientific truth of Nikolay Strakhov fits into the classical enlightenment tradition, which was undoubtedly rationalistic in nature.

Key words: Nikolay Strakhov, natural science, Russian philosophy, scientific knowledge, truth, empiricism, objectivity.